

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева»
(Астраханский государственный университет им.В.Н. Татищева)

кафедра философии

РЕФЕРАТ

**для сдачи кандидатского экзамена
по истории и философии науки**

**на тему: «Философский анализ концепции культурно-исторических
типов Н. Я. Данилевского»**

Выполнил:
Тихомирова Александра Сергеевна
Аспирант кафедры теории и истории государства и права

Астрахань – 2023г.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	3
<u>РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КОНЦЕПЦИИ И ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ</u>	6
<u>ГЛАВА 2. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ КОНЦЕПЦИЙ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО КАК ЭВОЛЮЦИИ УНИКАЛЬНЫХ «МЕСТНЫХ» ЦИВИЛИЗАЦИЙ</u>	15
<u>РАЗДЕЛ 3. СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО</u>	25
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	30
<u>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ</u>	31

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Данилевский является истинным пионером макроуровневых и долгосрочных социокультурных исследований. В своей классической книге он заложил основы ряда научных областей знаний. Практически все ученые-глобалисты пользуются его исследованиями. Ученому блестяще удастся критиковать линейное представление о прогрессии мировой истории и особенно о современном (для него) искусственном разделении ее на последовательно устроенные «древний», «средневековый» и «современный» периоды. Он справедливо утверждал, что каждое общество может иметь свои этапы социально-исторической эволюции.

В его теории есть и недостатки, которые становились все более очевидными, однако, она оказала значительное влияние на философию истории, политическую теорию и область сравнительной теории цивилизаций. И сегодня Россия, возможно, теперь возвращается к парадигме Данилевского множественных локальных цивилизаций (культурно-исторических типов) в отличие от универсальной, глобальной цивилизации и выбирает политику и стратегии «каждая цивилизация для себя». Многие ученые сходятся во мнении, что *magnum opus* Данилевского играл, играет и, вероятно, будет продолжать играть важную роль в российской интеллектуальной истории, а идеи Данилевского, возможно, возобновили свое влияние на современный политический дискурс.

Это возвращение актуальности происходит в период, когда мир сталкивается с беспрецедентными проблемами, которые включают перенаселение, истощение ресурсов и глобальное потепление, военно-политические конфликты. Начиная с 2019 года, мир стал свидетелем пандемии COVID-19, которая повлияла на человеческие сообщества, города и общества по всей планете. Пандемия значительно усилила уже существующее социальное, расовое, этническое и экономическое неравенство. На этом фоне происходит обострение конфликта между Россией и Западом, хотя данные

отношения никогда не были особенно спокойными и однозначными, а сейчас снова находятся на рекордно низком уровне. Способ лучше понять, а также успешно общаться и сотрудничать с другим обществом лежит через изучение эволюции истории и культуры.

Возникает вопрос, есть ли в русском культурном наследии важные источники, которые могли бы осветить эти вековые проблемы, тенденции и направления. В данном контексте целесообразно вспомнить труды Данилевского, которые могут обеспечить необходимую основу для русского панславизма и евразийства, идеологий, наиболее подготовленных для информирования российской политики в течение следующих десятилетий. В связи с вышеизложенным становятся актуальными цель и задачи данного исследования.

Анализ последних исследований. Изучению проблемы трансформации теории общественного развития посвящены труды российских и зарубежных ученых: А.В. Бабкина, А.А. Белевцева, Ю.В. Вертаковой, А.В. Кешелавой, В.А. Плотникова, Н.В. Сироткиной, Т.О. Толстых, А.В. Шиманской, Е.К.В. Якушенко и др. Состояние и тенденции поступательного развития экономики, её циклических колебаний и смены технологических укладов рассматривались Бляхманом Л., Бычковой Л., Василенко В., Жюглярсом К., Китчином Дж., Кондратьевым Н., Коротковым Э., Лоусаном Ф., Лундваллом Б.-А., Матвеевой Т., Нельсоном Р., Фримэном К., Шумпетером Й., Валлерстайном и пр.

В этих работах решены многие методологические и теоретические вопросы, связанные с формированием культурно-исторических типов, но вопрос единства целевой и организационной структуры их воздействия на правовую и социальную сферы сегодня остается открытым, что предопределяет актуальность темы данного исследования.

Объектом исследования является концепция культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского.

Предметом исследования являются тенденции и закономерности формирования концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского с учетом современных трансформаций на геополитической арене.

Целью является переосмысление и философский анализ концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского с учетом современных трансформаций на геополитической арене.

Для достижения цели настоящего исследования были поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Изучить современные тенденции, влияющие на концепции и теории общественного развития.
2. Проанализировать биографию и источники концепций Данилевского как эволюции уникальных «местных» цивилизаций.
3. Обосновать современное значение концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского.

Практическая значимость исследования заключается в обеспечении надлежащего контекста для исследования исторической ретроспективы концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и ее социальных и правовых последствий, выбора наиболее перспективных ее направлений с учетом современных трансформаций на геополитической арене.

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КОНЦЕПЦИИ И ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Характерной чертой современного мира является его динамичное развитие, в котором преобладает широкое применение цифровых технологий, меняющих современный облик экономического развития. Современный этап развития прошел через четыре промышленные революции, которые способствовали все более эффективному использованию факторов производства¹. Широкое использование компьютерных технологий в таких областях, как наука и техника, благоприятствовало их использованию в экономике, что в свою очередь привело к полному изменению современной экономики по сравнению с периодами до второй и первой промышленной революции. Четвертая промышленная революция началась в начале первого десятилетия 21-го века². Нет единого мнения о едином названии происходящего процесса социально-экономических преобразований. Среди прочих можно встретить такие термины, как: информационная революция, Индустрия 4.0, Умная фабрика, Интернет вещей/услуг или Интернет всего. То есть, за эпохами механизации, электрификации и автоматизации последовала оцифровка и цифровизация. Это стало возможным благодаря развитию Интернета, систем ИТ-коммуникаций, мобильной робототехники и автоматизации³.

Четвертая промышленная революция, также известная как информационная революция, характеризуется постепенным исчезновением барьера между людьми и машинами и «умными» фабриками с автоматизированными производственными системами. Период информационной революции характеризуется развитием как новых

---

¹ Berman, S. J. (2012). Digital transformation: opportunities to create new business models. *Strategy & Leadership*, 40(2), 16-24. <https://doi.org/10.1108/10878571211209314>

² Bradley, J., Loucks, J., Macaulay, J., Noronha, A., & Wade, M. (2015). *Digital Vortex: How Digital Disruption Is Redefining Industries*. Cisco. URL: <https://www.cisco.com/c/dam/en/us/solutions/collateral/industry-solutions/digital-vortex-report.pdf>

³ Bloomberg, J. (2018). Digitization, digitalization, and digital transformation: confuse them at your peril. URL: <https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confusethem-at-your-peril/#2dd1ce842f2c>

технологий, таких как облачные вычисления, искусственный интеллект, Интернет вещей или большие данные, так и «интеллектуальных» машин и устройств, которые взаимодействуют друг с другом и выполняют действия без вмешательства человека⁴.

Технологии всегда были носителями глубоких изменений в науке, обществе и любой другой сфере жизни. Последняя технологическая революция — информационная революция — не является исключением в этом отношении. Эта работа представляет революцию, вызванную цифровыми технологиями, через призму особого подхода: философии информации. Полагаю, что принятие информационного подхода помогает избежать утопических или антиутопических подходов к (цифровым) технологиям, которые являются выражением технологического детерминизма. Такой подход обеспечивает концептуальную основу, способную решить этические проблемы, которые ставят цифровые технологии, не заикливаясь на дихотомическом мышлении технологического детерминизма, и объединить этику, онтологию и эпистемологию в единое целое.

Социально-политическая и социально-экзистенциальная критика исходит из того, что технология глубоко меняет условия жизни человека. В частности, эти школы стремятся объяснить два феномена: дегуманизацию и неподлинность. Социально-политическая критика, в частности, направлена на реформирование экономических и политических структур, связанных с технологиями, чтобы восстановить основное условие человека: свободу.

За оптимизмом, пришедшим от Бэкона и Просвещения и согласно которому развитие науки и техники будет на благо человечества, следует антиутопическое видение. Технологии меняют общество, и экономические структуры, предшествовавшие промышленной революции, устаревают. Это приводит к разрушительным последствиям на социальном уровне: власть

---

⁴ Kavadias, S., Ladas, K., & Loch, C. (2016). The transformative business model. Harvard Business Review, 1. URL: <https://search.proquest.com/docview/1827622937?accountid=15518>

плохо распределяется, а технологии (например, информационная революция) ведут к угнетению и отчуждению. Заметная позиция против аргумента о том, что технология создает угнетение, исходит от Арендт (1958), которая, развивая свой взгляд на *vita activa*, подчеркивает характеристику *homo faber* в нашем человеческом состоянии.

Франкфуртская школа смещает ось обсуждения с экономики на культуру. Маркузе, например, ставит под сомнение связь между технологией и социальными отношениями, пытаясь понять, влияет ли первое на второе или наоборот. Фактически, в первом случае мы столкнулись бы с явным аргументом в пользу технологического детерминизма. Но далеко не очевидно, что это влияние будет однонаправленным, а не двунаправленным. Feenberg утверждает, что технология не является ни решающей, ни нейтральной. Каким-то образом Финберг дает ответ на вопрос Маркузе: влияние не однонаправленное, а определенно двунаправленное. Это деликатный вопрос, который может вывести из тупика между принятием технологического детерминизма, часто сопровождаемого резко антиутопическими взглядами, или принятием прогрессивного и линейного видения, согласно которому прогресс (в данном случае, технологический прогресс) неизменно приносит улучшения — явный вигговский подход. Оба эти видения не соответствуют действительности. На самом деле технологические инновации могут вызывать изменения в обществе, в наших привычках и потребностях, но иногда происходит обратное. Полагаю, что информационный подход может объяснить взаимное влияние между технологией и ее пользователями и/или производителями из-за глубоких онтологических преобразований, которые вызвали ИКТ.

Социально-экзистенциальная критика принимает предпосылки социально-политической критики, но подчеркивает связь между технологиями и смыслом жизни — тема, получившая дальнейшее развитие в современной постфеноменологии. Наука и технология — это не только артефакты, но и «формы сознания», которые поэтому оказывают реальное

влияние на экзистенциальное измерение. Наука и техника — это взаимосвязанные практики. Это мнение в некотором роде преодолевает греческую дихотомию между *epistème* и *techne*, давая технике возможность «раскрывать» истину, возможность, которая раньше была дана только *epistème*, науке. Это важно, потому что технологии способствуют созданию новых сред. Тем не менее, нам нужно больше: наряду с поэтическим характером технологии мы должны иметь возможность решать нормативные вопросы, которые вытекают из нее. Полагаем, что информационный подход способен сделать это.

Наконец, аналитическая этика фокусируется на конкретных проблемах, возникающих при использовании технологий, и направлена на разработку целевых тем, разъяснение задействованных концепций. Выделяют в этике три отдельных поЦФоля (блока): биоэтику, деловую этику и экологическую этику, к которым мы в настоящее время добавляем четвертую область, а именно компьютерную этику. Компьютерная этика устанавливает стандарты поведения для разработчиков и пользователей ИТ (вспомните декалог, предложенный еще в 1992 году Институтом компьютерной этики, или этический кодекс Ассоциации вычислительной техники). Сегодняшние проблемы конкретно касаются цифровых технологий (например, возможности демократической технологии, Интернета как средства распространения информации, а также материалов детской порнографии, вопросов конфиденциальности или «цифрового разрыва»).

Аналитический метод поддерживается индивидуальным подходом или «казуистикой». Хотя могут быть выявлены повторяющиеся темы (например, справедливость и равноправие приводят к вопросам о здоровье и безопасности, информации, конфиденциальности и риске; автономия и свобода приводят к беспокойству о благополучии, здоровье или благополучии и, следовательно, к заботе об окружающей среде и устойчивости, этический анализ здесь ограничивается конкретными случаями, без каких-либо попыток обобщить или объединить проблемы в единую концептуальную структуру,

будь то этическую, эпистемологическую или онтологическую. Как мы увидим, информационный подход предоставляет инструменты для воссоединения этих разных измерений.⁵

Таким образом, все вышеупомянутые традиционные подходы имеют то достоинство, что они охватывают основные проблемные аспекты технологии: ее роль в обществе и политике, в личной сфере и ее очень специфические аспекты, например, в биотехнологии или в сфере конфиденциальности. Очень часто (и особенно в социально-политическом и социально-экзистенциальном подходе) дискуссиями движет страх перед технологиями, и кажется, что антиутопические видения берут верх. С появлением цифровых технологий многие из проблем, выявленных несколько десятилетий назад, еще больше обострились. Эта литература в значительной степени способствовала более глубокому пониманию технологии, но предоставила сравнительно меньше инструментов для работы с новыми технологиями и вопросами, связанными с новыми технологиями. Каким-то образом мы оказались не готовы к радикальным изменениям, вызванным цифровой революцией, потому что при анализе влияния технологий на политическую, социальную или личную сферу общая структура не была разработана или утеряна: нам не хватает соответствующих концептуальных инструментов. иметь дело с этическими проблемами, возникающими в результате изменений, которые в первую очередь являются онтологическими и эпистемологическими. Попытку в этом направлении дает философия информации.

Например, искусственный интеллект — это постоянно растущая область вычислений. Исследователи искусственного интеллекта обнаружили множество способов заставить машины распознавать образы, обучаться, решать проблемы, доказывать теоремы, играть в игры, индуцировать и манипулировать языком. Цифровая философия (ЦФ) — это новый способ мышления и взгляда на вещи. Это часть развивающейся области цифровых

---

⁵ Iansiti, M., & Lakhani, K. R. (2014). Digital ubiquity: How connections, sensors, and data are revolutionizing business. *Harvard Business Review*, 92(11), 90-99.

гуманитарных наук. ЦФ определяет исследовательскую работу, проводимую в цифровой среде гуманитарием, а именно философом. Двумя основными атрибутами ЦФ являются⁶:

- В конечном счете, вся информация должна иметь цифровые средства представления.
- Все изменения в информации являются следствием цифровых информационных процессов.

Философы в цифровой сфере продвигают философские исследования и смежные области с помощью цифровых технологий. Точно так же, как изучение искусственного интеллекта спровоцировало подлинное философское исследование природы разума и интеллекта, цифровая философия спровоцирует использование цифровых инженерных артефактов в качестве предметов согласованных исследований философов. ЦФ имеет дело с понятными понятиями материи, энергии, времени, пространства и процесса. Обычно предполагается, что пространство, время, тело и количества в конечном счете конечны и дискретны. Предполагается, что компьютерная программа может моделировать цифровые процессы, лежащие в основе работы различных систем реального мира⁷.

ЦФ применяется в физике, биологии и химии. ЦФ отличается от традиционных философий физики. ЦФ настаивает на том, что любая физическая система должна иметь цифровое представление. Он предлагает детерминированные дискретные модели физических процессов. Физические модели могут быть запрограммированы на компьютере как цифровая аппроксимация непрерывной модели. Физика, которую можно получить от ЦФ, представляет собой микроскопическую модель, которую можно запрограммировать на компьютере. ЦФ решила проблемы универсальности в физике. ЦФ предполагает, что атрибуты живых существ записаны в цифровом

---

⁶ Hirsch-Kreinsen, H., P. Ittermann, and J. Niehaus, eds. (2015). Digitalisierung industrieller Arbeit: Die Version Industrie 4.0 und ihre sozialen Herausforderungen. 1. Auflage. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft

⁷ McKinsey Global Institute. URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/overview>

коде. Обработка информации у живых существ начинается с информационного процесса спермы и яйцеклетки или цифровой информации, закодированной в ДНК ⁸.

Информация – это конкретное свойство материи и энергии, поддающееся количественной оценке и измерению. Философия информации может преодолеть противоречия между инженерными и гуманитарными науками. ЦФ предполагает, что вселенная в своей основе информативна и что каждая сущность представляет собой образец цифровой информации. Каждый атом, частица или человек наполнен информацией, и все во Вселенной должно подчиняться законам информации. Информационная этика стала наиболее заметной субдисциплиной философии информации. Сайты социальных сетей, такие как Facebook и MySpace, позволяют пользователям создавать свои собственные профили с некоторыми формами информации или оставлять комментарии в профилях своих друзей⁹.

Сам мир претерпел трансформацию благодаря цифровым технологиям. Он состоит уже не из канонических сущностей, а из новых, принципиально отличных. Цифровые технологии привели к смене парадигмы в философии. Цифровые технологии завоевывают позиции, которые были общепринятой областью физики. Хотя цифровая философия возникла совсем недавно, она уже вносит далеко идущие технические, научные, экономические и психологические изменения. Цифровая философия только началась, и ее будущее не определено.

Другими важными аспектами является геополитическое напряжение в мире. Оглядываясь назад на медленно закончившийся 2022 год, можно увидеть ряд последовательных, но в основном перекрывающихся и взаимосвязанных кризисов. Прежде чем мы смогли полностью восстановиться и оправиться от шока, вызванного пандемией covid-19, мы столкнулись с

---

⁸ Korovin G.B. Problems of industrial digitalisation in Russia // Journal of new economy. 2018. №3. С.100-110.

⁹ Hausberg, J., Liere-Netheler, K., Packmohr, S., Pakura, S., & Vogelsang, K. (2018). Digital transformation in business research: a systematic literature review and analysis. In DRUID18. Copenhagen Business School, Copenhagen, Denmark.

новым глобальным кризисом, эпицентром которого стал конфликт на Украине.

Его прямым следствием является, прежде всего, энергетический кризис, который затрагивает не только. Даже более богатым странам очень трудно справиться с увеличением расходов на энергию, которые часто удваивались по сравнению с прошлыми двумя или тремя десятилетиями. Они поглощают до одной пятой валового внутреннего продукта некоторых развитых стран. Аналогичная ситуация имела место во время нефтяных кризисов 1970-х гг. Однако, в отличие от предыдущих энергетических кризисов, в настоящее время есть другие, которые были либо непосредственно вызваны конфликтом, либо способствовали их ускорению.

Прежде всего, это глобальный продовольственный кризис. Хотя это также болезненно ощущается домохозяйствами с более низкими доходами в развитых странах, в основном оно затрагивает более бедные и часто нестабильные регионы. Особенно в регионах, сильно зависящих от импорта, таких как Ближний Восток или некоторые части Африки, нехватка основных продуктов питания, вызванная сокращением экспорта зерна и других товаров из России и Украины, может усилить социальную напряженность и подорвать и без того хрупкую стабильность

В ближайшие годы Китай может пережить большую турбулентность, которая повлияет на геополитическую ситуацию в мире и мировую экономику.

С точки зрения мировой экономики влияние совпадения кризисов и других факторов совершенно необходимо. Инфляционное давление спровоцировало самый глубокий глобальный кризис стоимости жизни за последние четыре десятилетия. Финансовая нестабильность и быстро растущая стоимость жизни, на которую центральные банки ожидаемо отреагировали повышением процентных ставок, являются одной из основных причин глобального экономического спада.

На фоне этих накладывающихся друг на друга и усиливающих друг друга кризисов в мировой экономике происходят коренные структурные изменения. Рост популизма и национализма уже давно ведет к растущей поддержке экономического протекционизма. Это подрывает международную торговлю и создает неравные условия для отдельных стран, часто для небольших стран со средним или низким уровнем дохода. Вместо того, чтобы пытаться найти бесприигрышные решения для всех участников международной торговли, мы также все чаще сталкиваемся с подходом, основанным на логике нулевой суммы, когда выигрыш одного игрока равен проигрышу другого.

Кроме того, в мире нарастает геополитическая и геоэкономическая напряженность, особенно между крупными экономическими державами. Это не просто многолетнее соперничество между США и Китаем. Мы найдем еще много примеров, например, в отношениях между США и ЕС. Несмотря на тесное сотрудничество и единство, а также общие ценности или политические интересы и интересы безопасности, в экономических и торговых отношениях неоднократно возникают проблемы. И последнее, но не менее важное: пандемия выявила уязвимость глобальных цепочек поставок.

К сожалению, домохозяйства, компании и правительства также ощутят на себе последствия кризисов, которые переживает мировая экономика в 2023 году, когда ожидается дальнейшее замедление экономического роста. Если мы посмотрим на развитие 2022 года, то мир окажется все более разделенным. Однако, несмотря на трещины и центробежные тенденции, не должно создаваться впечатление, что мир перестает быть сильно экономически связанным. Геополитические потрясения сдвинули тектонические плиты, но они все еще соприкасаются. Именно поэтому мы должны искать способы защиты интересов и ценностей России в меняющейся среде посредством переосмысления нашей российской идентичности.

ГЛАВА 2. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ КОНЦЕПЦИЙ ДАНИЛЕВСКОГО КАК ЭВОЛЮЦИИ УНИКАЛЬНЫХ «МЕСТНЫХ» ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Н. Я. Данилевский (1822–1885) в молодости был последователем западных идей, сторонником утопической системы Ч. Фурье и посещал (вместе с Ф. М. Достоевским) утопический кружок М. В. Бутаевича-Петрашевского. Зрелый же Данилевский стоит уже на противоположной стороне: он становится пропагандистом славянофильства и панславизма. Этот автор был не просто философом истории или социологом, как следует из его самой известной работы; его второй областью были естественные науки, особенно биология, которую он изучал и практиковал профессионально. Наиболее известное произведение Данилевского «Россия и Европа» (Россия и Европа¹⁰. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому) был опубликован в 1869 году сначала в журнале славянофильской направленности «Заря» под редакцией Н. Страхова; через два года последовала книжная публикация. Позже автор постоянно обновлял и совершенствовал эту работу журнальными статьями, которые были опубликованы Страховым в виде книги после его смерти.

Россия и Европа первоначально привлекали внимание лишь узкого круга читателей (среди которых были Достоевский и Страхов, а также К. Леонтьев); говорят, что первое издание тиражом 1200 экземпляров простояло на полках книжных магазинов целых 15 лет. Однако в 1880-х годах идеологическая ориентация русского общества стала меняться, и творчество Данилевского приобрело популярность; В быстрой последовательности вышло 3 переиздания, которые тут же были разобраны. Данилевского иногда ошибочно принимают за автора одной книги. Дело, однако, в том, что публикация России и Европы затмила не только монографию «Дарвинизм», вызвавшую

---

¹⁰ Чашина Ж. В. Значение идей Н. Я. Данилевского для образовательно-познавательного процесса // ИТС. 2006. №3. С.103-108.

обширную полемику с эволюционистской теорией, но и ряд других публицистических и естественнонаучных статей.

Обратимся к книге «Россия» и Европа. Этот труд привлек внимание большинства критиков в основном благодаря своей прикладной политической части, посвященной программе объединения славян в одно государственное целое. Для многих читателей эта идея затмила все остальное содержание книги до такой степени, что Данилевский стал восприниматься чуть ли не исключительно как панславист. Однако работа Данилевского — многослойная, затрагивающая несколько уровней центральной проблемы, например, отношения между Россией и Европой. Чтобы адекватно охватить этот вопрос, автор создал замечательную теоретическую концепцию культурно-исторических типов, значение которой далеко выходит за рамки не только панславизма, но и всего XIX века¹¹.

Поэтому рассмотрим демифологизацию этого автора и остановимся на теоретическом уровне его концепции. В начале своего трактата Данилевский останавливается на недостаточности общепринятого понятия истории для описания реальных исторических событий. Нынешняя историография понимает историю как единое целое, но факты этому противоречат. Какое значение, спрашивает он, например, имеет европейская датировка истории, жестко разделяющая древность, средние века и новое время, для китайской или индийской истории? Нет, потому что разделы между этими эпохами суть события только европейского значения, а их механическая экстраполяция на историю всего мира есть попытка создать мировую историю из чисто европейской.

Европейская история с ее периодизацией и проблемами является примером частичной истории одной области, которую можно назвать культурно-историческим типом. Однако подобных направлений в мире

---

¹¹ Султанов К. В. Концепция «культурноисторических типов» Н. Данилевского и современная западная философия истории / К. В. Султанов // Учен, заседание кафедр обществ, наук вузов Ленинграда. Философия. JL, 1972. Вып. 13. С. 6—7.

несколько и каждое имеет свою историю со своей периодизацией и проблемами. Поэтому наш взгляд на мировую историю искажен и противоречит действительности: единая всемирная история есть фикция, основанная на распространении периодизации и вопросов чисто европейской истории на весь мир. Ошибка заключается в самой основе истории как науки, в ее методологии. Необходимость вскрыть причину этого несоответствия в исторической науке в первую очередь приводит автора к мысли о науке как таковой. Он приходит к выводу, что всякая наука, а тем самым и история, проходит определенные стадии развития. Начальный этап – это период так называемого сбора материала (период сбора материалов), т. е. бездумного накопления знаний. Затем следует фаза создания искусственной системы (период искусственной системы), представляющая собой первую попытку соотнесения еще не систематизированных фактов, но попытку искусственную, не соответствующую действительности. Эта стадия сменяется фазой естественной системы, которая уже концептуально соответствует действительности. После этого происходит дополнение этой природной системы отдельными законами и открытиями, образующими фазу частных эмпирических законов (период специфического эмпирического восприятия), а завершение развития каждой науки состоит в постулировании окончательного закона, объясняющего сущность изучаемых явлений в данной области (фаза общего рационального)¹².

Согласно Данилевскому, история как наука находится на стадии искусственной системы, т. е. лишь на второй стадии развитие науки. Это означает, что она предприняла первую попытку связать собранные факты, но представленное понятие не соответствует действительности, и поэтому необходимо заменить его другой, естественной системой. Вот что Данилевский хочет попробовать. Мыслитель принимает уже сложившуюся точку зрения временного деления истории на три периода (древность,

---

¹² Микерин А. А. Политическое наследие Византии в общественной мысли России XIX — нач. XX в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 125—131.

средневековье и новое время, так называемые степени развития), но отвергает единую датировку этих фаз для всемирной истории. Это деление будет соответствовать действительности лишь тогда, когда оно будет дополнено пространственной плоскостью, приписывающей каждому историческому единству свою датировку, разделяющую отдельные фазы. Это породит представление об истории как сумме всех цивилизаций на Земле, каждая из которых в отдельности проходит указанные три хронологических этапа (типа развития).

Таким образом, всемирная история будет суммой истории отдельных культурных типов. Теория культурных типов, таким образом, должна стать способом улучшить научную методологию в области истории и поднять всю науку на порядок выше. Остановимся на характеристике культурно-исторического типа. Мы можем заменить этот термин более частым и, возможно, более понятным сегодня термином «цивилизация»; иногда также используется термин локальная или дискретная цивилизация.

Данилевский выделяет типы египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский или старосемитский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, неосемитский или арабский, германо-румынский или европейский. Далее он определяет законы, которыми управляют культурно-исторические типы. Таких законов мыслитель выделяет пять. В первом он постулирует, что культурно-историческим типом становится «каждый народ или их группа, характеризующаяся своим языком или группой языков, достаточно близких друг другу, чтобы сразу ощущалось их родство», если «по своим духовным наклонностям она способна к историческому развитию и уже вышла из стадии детства»¹³.

Второй закон – политическая независимость. Третий закон говорит о непереносимости принципов одного культурного круга на другой. Четвертый

---

¹³ Тяпин И. Н. Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера (в контексте влияния Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева) // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 37—45.

закон указывает на необходимость разнообразия внутри культурно-исторического типа, основой которого должна быть совокупность нескольких политических образований, либо самостоятельных, либо объединенных в федерацию. В пятом законе автор возвращается к органической теории: культурно-исторические типы имеют свой период созревания, представляющий собой длительный процесс, завершающийся временем цветения и плодоношения, который, с другой стороны, короток и неповторимый. В другой части работы Данилевский постулирует еще один признак, которым характеризуется культурно-исторический тип, а именно так называемую культурную деятельность.

Автор выделяет четыре вида этой деятельности: религиозную, культурную в собственном смысле слова (которую он далее подразделяет на теоретико-научную, эстетико-художественную и технико-производственную деятельность), затем политическую и, наконец, общественно-экономическую деятельность. Для Данилевского виды культурной деятельности являются критерием классификации отдельных цивилизаций. Древние цивилизации не различали даже отдельных видов деятельности, поэтому автор называет их исходными культурами (первыми культурами). Следующие культурно-исторические типы были уже более развиты и развивали некоторые виды культурно-исторической деятельности, но всегда только один (культуры одноосновные): еврейский тип, например, развивал религию, греческую культуру и римский политический строй.

Европа — это уже более продвинутый тип, развивающий два вида культурной деятельности - культуру и политику. Центральным в концепции Данилевского является понятие культурно-исторического типа, но наряду с ним автор работает и с понятием нации. Он делит нации на три категории: к первой относятся так называемые положительные нации, которые могут стать носителями культурно-исторического типа или полноценной его частью. Другие играют отрицательную роль в истории, роль разрушителей, «кнотов божьих», таких как гунны или монголы. И, наконец, есть народы, не имеющие

доступа к собственной истории и фактически являющиеся этнографическим материалом для народов, более вовлеченных в историю (например, финно-угорские народы).

Однако носителем истории в собственном смысле слова является культурно-исторический тип, нация — лишь основа, своего рода потенция для этой реализации. Этническая принадлежность сама по себе является важным, но не самым важным фактором, и Данилевский открыто отвергает расистские или детерминистские теории. В этой концепции государство также занимает такое же положение, как и нация; государство составляет неотъемлемую, но подчиненную часть характеристики культурно-исторического типа. Еще одним широко обсуждаемым аспектом теории дискретных цивилизаций стали отношения между отдельными цивилизациями или возможность взаимной передачи культурных достижений.

Данилевский отрицает возможность передачи (передачи) цивилизаций как таковой, но не отрицает взаимного влияния (воздействие) или экспансии (правление). Он даже определяет три типа этого расширения. Самым простым является, так называемая, пересадка с использованием колонизации. Это пространственное расширение первоначальной цивилизации, и в качестве примеров автор приводит греческую колонизацию или пересадку английской культуры в Северную Америку или Австралию. Вторая форма — прививка, которую часто принимают за передачу цивилизации. Это пространственно ограниченная прививка одной цивилизации в пространство другой цивилизации при сохранении идентичности обеих сущностей. Мыслитель приводит в пример Александрию, то есть греческий «прививок» на египетский «стебель».

Третий вид взаимодействия цивилизаций — удобрение почвы (почвенное удобрение), заключающееся в укреплении культурных форм одной культуры с помощью культурных форм другой культуры. Таким образом, Греция была «оплодотворена» с помощью Египта и Финикии или Рима с помощью греческих форм. Биологическая инспирированность

выбранной автором терминологии здесь более чем очевидна. Таким образом, Россия и Европа предлагают нам несколько уровней понимания вопроса о названии. Наиболее общий уровень — это научно-методологический уровень, результатом которого является попытка ревизии методологии исторической науки. Еще одним пластом работы является собственная интерпретация теории культурно-исторических типов. Эти теоретические уровни непрерывно дополняются примерами и конкретизацией представленных идей. Абстрактная интерпретация перемежается с анализом конкретных политических событий. Однако это не просто иллюстративный материал, а события, требующие теоретического закрепления для их более глубокого осмысления.

В этих теориях Данилевский переходит на границу публицистики, что соответствует оригинальной журнальной публикации его произведения. Тем не менее, «Россия и Европа» — книга плотная и сфокусированная на заглавной теме. Другой уровень интерпретации темы Данилевского — прогностическая часть. Здесь автор комментирует славянский вопрос, и именно этот вопрос принес книге известность. Данилевский предполагает, что в обозримом будущем сформируется новый культурно-исторический тип, а именно славянский. Об этом свидетельствуют указания на конкретные политические события, а также тенденции в области культуры и экономики. В то же время об образовании этого нового образования свидетельствуют и уже намеченные общие закономерности.

Трудно определить, предполагают ли установленные автором закономерности хода истории необходимость возникновения и специфические характеристики нового славянского культурно-исторического типа, или же эти закономерности были сформулированы при априорно ожидаемом наступлении славянского (или русская) эпоха мировой истории. Структура книги скорее указывает на взаимосвязанность обоих вариантов. Какие факты для нового культурно-исторического типа вытекают из предустановленных закономерностей? Прежде всего, это не может быть

исключительно русский тип, а общеславянский тип, в силу необходимой этнической пестроты каждого культурного типа (см. четвертый закон культурно-исторического типа).

Интересно, что даже сложного конгломерата тогдашней Российской империи автору не хватило для выполнения этого требования. По предположениям автора, только сумма культурного пространства всех славянских (и некоторых неславянских) народов могла принести желаемое богатство форм. Чрезвычайное разнообразие этого ареала должно было отразиться и на характеристиках нового культурно-исторического типа. Зарождающаяся славянская цивилизация должна стать дальнейшим качественным шагом вперед по сравнению с наиболее развитой на сегодняшний день европейской цивилизацией. Впервые в истории славянский тип должен реализовать все четыре области культурной деятельности – политику, экономику, культуру и религию.

Важны и следствия, вытекающие из второго закона культурно-исторического типа, постулирующего политическую самостоятельность. Данилевский предполагает освобождение славянских народов от вассалитета Австро-Венгрии и Османской империи. Упомянутые нации должны оставаться независимыми, и с точки зрения этого закона очевидна нецелесообразность их включения в состав Российской империи. Наоборот, их отношение к ней должно быть равным (если такое вообще возможно при несоизмеримости сил России и других славянских народов).

Потенциальная интеграция должна заключаться в создании единого высшего органа более свободного характера, который автор называет славянской федерацией. В главе «Цариград» автор также дает общее описание этого новообразования. Из-за паритета сил это должен быть союз более крупных единиц, автор специально предлагает следующие образования: Российская империя, «Королевство Богемия-Словакия», «Королевство Болгария» (с Македонией и частью Румынии), «Королевство Румыния» (Валахия, Молдавия, часть Буковины, половина Трансильвании, западная

часть Бессарабии), «Королевство Греция» (в отличие от сегодняшнего положения, еще связанного с Кипром и побережьем Малой Азии), «Венгерское королевство» (ограничено венгерской этнической территорией) и «Константинопольское кольцо» (Босфор, Мраморное море, Дарданеллы и прилегающие районы). До поры до времени должен оставаться открытым вопрос о Польше, которая, по мнению автора, должна некоторое время оставаться в составе Российской империи. Столицей этой федерации должен был стать Константинополь, который находился бы под совместным управлением всех членов федерации. «Нейтральный» выбор столицы нового государственного образования мыслитель избирает именно с учетом декларируемого баланса сил всех членов федерации. Таким образом, Данилевский априори хочет предотвратить превосходство России.

Примечательно и то, что значительное количество частей планируемой славянской федерации вообще не имеют славянского этнического состава. Славянский характер в целом будет определяться прежде всего культурой, а не этничностью. Для Данилевского проект Славянской федерации имеет широкий контекст и несколько уровней. Его осуществление является фактически попыткой автора решить несколько сложных и в то время злободневных проблем, на которые искали ответ современные политические соображения в России: проблема освобождения западных и южных славян, решение восточного вопроса и судьбы тюркских христиан, а также перспективы самой Российской империи.

Наконец, что не менее важно, она дает еще один возможный ответ на традиционный вопрос русской философии истории, что такое Россия и где она. Прогнозируя и постулируя появление нового славянского культурно-исторического типа, Данилевский находит ответ на основной вопрос своего творчества — об отношениях России и Европы. Прежде всего он приходит к выводу, что Россия и Европа — это два разных образования, культурно-исторических типа. Диахронически они находятся на разных стадиях развития; Европа уже находится на стадии угасания, а славянский мир только

складывается. Оба фактора, синхронный и диахронический, являются причиной того, что их отношения носят преимущественно антагонистический характер, так как они являются разными единицами с разной иерархией ценностей. Этот тезис коренным образом отличается как с западной точки зрения, так и от понятия «официальная народность», неразрывно связывавшего модернизацию России с европейскими завоеваниями.

Данилевский широко утверждал, что Европа — это не модель, заслуживающая подражания, а чуждое целое, чьи культурные продукты принципиально нежелательны. Поэтому Россия должна отвернуться от этого нежелательного конкурента и сосредоточиться на собственных целях. К ним следует отнести укрепление и развитие собственного культурно-экономического потенциала, а во внешней политике - усилия по завоеванию Константинополя и объединению славян. Таким образом, теория культурно-исторических типов уже постулирует принципиальное различие отдельных цивилизаций, предполагающее их взаимное конкурентное поведение.

РАЗДЕЛ 3. СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Работа Н.Я. Данилевского представляет собой встречу двух различных методологий и родственного им подхода к истории. Работа основана на шеллинговской версии органической теории. Из нее в работе Данилевского вытекают по крайней мере две определяющие идеи. Мир уподобляется живому организму, состоящему из неотъемлемых частей – органов, которые и сами ведут себя как единый организм. Таким образом, каждая часть является целым и представляет целое в меньшем масштабе. Поэтому более осмысленно изучать историю нации или аналогичного образования, чем вымышленную и обобщающую всемирную историю. Вторая идея — хронологическая поэтапность истории народа (или иного исторического образования) по образцу жизни живого существа. Отсюда и уподобление Данилевским традиционного деления европейской истории на античность, средневековье и новое время периодам юности, зрелости и старости и в таком виде распространялось, как правило, на историю исторического образования вообще¹⁴.

Однако органическое понимание исторической сущности также приводит к утверждению о необходимости возникновения и гибели этих сущностей как части более широкого циклического обновления жизни. Такое понимание истории находится в прямом противоречии с просветительской концепцией единого человечества, а значит, и с вытекающими из нее прогрессивизмом и утопизмом. Вместо универсальных проектов он рекомендует ориентироваться на нацию или другую аналогичную единицу. Тем интереснее сочетание органической теории Данилевского со вторым методологическим полюсом его творчества — естественнонаучным.

---

¹⁴ Фетисенко О. Л. «Наследники Византии» в оценке друзей и недругов: Российская государственность как сквозная тема «восточных повестей» К. Н. Леонтьева // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 250—259.

Исследователи отмечают позитивистские черты России и Европы, в частности «позитивистский номинализм» автора, формулирующий лишь частные или видовые законы и сомневается в существовании общих законов, т. е. родов. С этим тесно связана полемика с теорией эволюции Дарвина. Против дарвиновской формулировки общего закона эволюции и вытекающего из этого естественного отбора и возникновения новых видов Данилевский противопоставляет «морфологический принцип», согласно которому виды (типы) органического мира развиваются не путем превращений и восхождения через этапы единого процесса улучшения. Эти виды изменяются в плане своего индивидуального существования в соответствии со своими имманентными законами, выражающими идеальные принципы жизни.

По аналогии с биологической морфологией Данилевский пришел к понятию культурно-исторического типа. Однако влияние естественных наук проявляется в творчестве Данилевского гораздо шире; следы биологической таксономии встречаются в классификации народов и цивилизаций, а также в различных аналогиях и примерах. Методология Данилевского представляет собой своеобразный синтез обоих подходов. Вопреки распространенному мнению о том, что его концепция полностью отрицает единую мировую историю, остается только утверждать, что Данилевский уточняет и дополняет, а не отменяет эволюционные представления и концепции истории мира. Для него всемирная история есть итог истории отдельных культурно-исторических типов. Однако они чередуются некоторыми волнами, что в то же время приводит к качественному совершенствованию более молодых цивилизаций по сравнению с более старыми цивилизациями¹⁵.

Если ориентироваться на мыслительский критерий культурной деятельности, то развитие всемирной истории становится вполне понятным. Древнейшие цивилизации еще не были в состоянии развить ни один вид

---

¹⁵ Саввин А.В. Патриотический контекст в отечественных гуманитарных исследованиях на примере «России и Европы» (к 190-летию Н. Я. Данилевского) // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2012. №40 (2). С.73-79.

культурной деятельности, но за ними последовали культурно-исторические типы, выработавшие один из этих типов, Европа выработала два, а славяне должны были даже развить все четыре. Так что история явно развивается. Они также связаны этим эволюционным процессом и, хотя они происходят внутри отдельных культурных типов, они имеют не только общие правила и законы, но и общее направление. Хотя Данилевский отделяет Россию от Европы основой своей концепции различных культурно-исторических типов, он не отрицает общей направленности всемирной истории.

Сам Данилевский был верующим человеком, и в его творчестве мы находим ряд мест, восхваляющих преимущества православия перед западным христианством. Однако культурно-исторические типы основаны на ином принципе, чем религия.

Религия является одним из аспектов цивилизации, но не ее основным элементом. Все понятие религии подчиняется культурно-историческому типу, причем религия утрачивает характер основного форманта, который она имеет в славянофильских произведениях. Таким образом, развитие цивилизаций становится секуляризованным механическим законом, а не органическим религиозным процессом, как его понимали классические славянофилы. В чем-то Данилевский принадлежит к славянофильской парадигме, а в чем-то, скорее, к патриотически-панславистским течениям (хотя сам он националистом не был).

Скрупулезно разработанная Н.Я. Данилевским весьма метафорическая историософская парадигма в конечном счете неверна, хотя и впечатляет. Она предлагает, по его собственным словам, «искусственную» теорию исторической эволюции человечества. Как и все метафорические конструкции, она может «работать» только в определенных пределах и в определенной степени. Это не вина ученого, поскольку многие важные законы и закономерности структуры и эволюции социокультурной вселенной были открыты только после его безвременной кончины в 1885 году.

Несмотря на недостатки, очевидные современному ученому, книга Данилевского стала довольно удачным «произведением политического прогнозирования и пророчества», оказавшим значительное влияние на философию истории, политическую теорию и область сравнительной теории цивилизаций. Во многих отношениях это также ощутимо повлияло на внешнюю политику упадочной Российской империи в ее убывающие годы.

Концепция Данилевского предвосхитила ряд теорий других видных общественных деятелей, существенно установив область сравнительной теории цивилизаций. Однако его и его последователей модели, оставались не только циклическими, что для развития обществ, по существу, верно (все они конечны), но и являются излишне жесткими. Используя результаты современных фундаментальных социальных исследований, мы разработали «универсальную» модель социально-исторической эволюции обществ. В ней мы не только увеличили количество этапов, но и ввели практически неограниченное количество возможных вариаций. Поскольку одной из основных характеристик нашей модели является гибкость, она охватывает практически неограниченное количество вариаций эволюции общества.

Марксизм-ленинизм-сталинизм прервал траекторию развития России по пути славянофильства и панславизма и на протяжении большей части 20 века продвигал ее по пути «классовой борьбы» и «мировой революции». Тем не менее, после 70 лет принятия этих идеологий и на основе их политики, Россия, возможно, теперь возвращается к парадигме Н.Я. Данилевского о множественных локальных цивилизациях (культурно-исторических типах) в отличие от универсальной, глобальной цивилизации и выбора политики и стратегий «каждая цивилизация для себя». Ученые сходятся во мнении, что магнум опус Данилевского играл, играет и, вероятно, будет продолжать играть важную роль в российской интеллектуальной и социально-политической истории. Обеспечивая существенную основу для русского панславизма и евразийства, он может влиять на российские идеологические парадигмы и политику на десятилетия вперед.

В то же время Запад, возможно, переживает собственный «кризис среднего возраста». После европейского миграционного кризиса (2014-настоящее время), пандемии коронавируса COVID-19 (2019-настоящее время), штурма Капитолия США повстанцами (2021), техасского кризиса власти (2021), фиаско вакцинации от коронавируса COVID-19 Европейского союза (2020-2021), российско-украинского кризиса (2014- настоящее время), возможно, придется долго и пристально смотреть на гражданские, политические, социальные, этнические, расовые, культурные и правозащитные вопросы в своей собственной сфере.

Как показывает анализ, российские и западные элиты могут оказаться в довольно разных ментальных цивилизационных парадигмах, а значит, действовать в разных цивилизационных рамках. В то время как западные элиты склонны мыслить и действовать во вселенной фукуямской парадигмы «конца истории» либеральной «универсальной» и «глобальной цивилизации», российские склонны мыслить и действовать в рамках «данилевского типа», «плюралистического» мира множественных «локальных цивилизаций» («культурно-исторических типов»). В результате нынешний уровень отношений между Западом и Россией опасно низок. Очевидная и разумная основа сбалансированных и взаимовыгодных отношений между Россией и Западом может быть чем-то, о чем обе стороны могут договориться. Такая основа существует. Это Всеобщая декларация прав человека вместе с другими соответствующими документами, такими, как Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы и предложения:

На основе изучения основных методов исследования, применяемых для изучения различных экономических условий и процессов, в этой работе сначала дается краткое описание современных геополитических проблем. Изменения вызваны информационной революцией с ее потенциалом цифровых технологий. Они позволяют развивать глобальные горизонтальные связи, способствуя большей свободе, свободе и децентрализации деятельности, а также ее перемещению, что является серьезной проблемой и возможностями для местных властей в области привлечения предпринимателей в регион. В то же время информационные технологии ограничивают недостатки вертикальных связей, основанных на различных бизнес-зависимостях (в связи с этим появляется понятие вертикального и горизонтального капитализма).

Используя современную методологию, Н.Я. Данилевский показал совместимость славянофильских взглядов с современной наукой. Наиболее спорным в отношении творчества Данилевского к классическому славянофильству является то, что в нем наиболее примечательно, т. е. теория цивилизаций.

Таким образом, принцип автономии сущностей движется в сторону их частичной изоляции. Если мы посмотрим на творчество Данилевского через призму сформулированной выше славянофильской парадигмы, то обнаружим, что Россия и Европа совместимы с ним в плане применения органической теории и постулирования автономии культурных образований, но не в плане религиозных принципов как основы культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Berman, S. J. (2012). Digital transformation: opportunities to create new business models. *Strategy & Leadership*, 40(2), 16-24. <https://doi.org/10.1108/10878571211209314>
2. Bloomberg, J. (2018). Digitization, digitalization, and digital transformation: confuse them at your peril. URL: <https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confusethem-at-your-peril/#2dd1ce842f2c>
3. Bradley, J., Loucks, J., Macaulay, J., Noronha, A., & Wade, M. (2015). *Digital Vortex: How Digital Disruption Is Redefining Industries*. Cisco. URL: <https://www.cisco.com/c/dam/en/us/solutions/collateral/industry-solutions/digital-vortex-report.pdf>
4. Hausberg, J., Liere-Netheler, K., Packmohr, S., Pakura, S., & Vogelsang, K. (2018). Digital transformation in business research: a systematic literature review and analysis. In DRUID18. Copenhagen Business School, Copenhagen, Denmark.
5. Hirsch-Kreinsen, H., P. Ittermann, and J. Niehaus, eds. (2015). *Digitalisierung industrieller Arbeit: Die Version Industrie 4.0 und ihre sozialen Herausforderungen*. 1. Auflage. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft
6. Iansiti, M., & Lakhani, K. R. (2014). Digital ubiquity: How connections, sensors, and data are revolutionizing business. *Harvard Business Review*, 92(11), 90-99.
7. Kavadias, S., Ladas, K., & Loch, C. (2016). The transformative business model. *Harvard Business Review*, 1. URL: <https://search.proquest.com/docview/1827622937?accountid=15518>

8. Korovin G.B. Problems of industrial digitalisation in Russia // Journal of new economy. 2018. №3. С.100-110.
9. McKinsey Global Institute. URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/overview>
10. Микерин А. А. Политическое наследие Византии в общественной мысли России XIX — нач. XX в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 125—131.
11. Саввин А.В. Патриотический контекст в отечественных гуманитарных исследованиях на примере «России и Европы» (к 190-летию Н. Я. Данилевского) // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2012. №40 (2). С.73-79.
12. Султанов К. В. Концепция «культурноисторических типов» Н. Данилевского и современная западная философия истории / К. В. Султанов // Учен, заседание кафедр обществ, наук вузов Ленинграда. Философия. JL, 1972. Вып. 13. С. 6—7.
13. Тяпин И. Н. Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера (в контексте влияния Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева) // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 37—45.
14. Фетисенко О. Л. «Наследники Византии» в оценке друзей и недругов: Российская государственность как сквозная тема «восточных повестей» К. Н. Леонтьева // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 250—259.

Чашина Ж. В. Значение идей Н. Я. Данилевского для образовательно-познавательного процесса // ИТС. 2006. №3